

НА ЗАРЬ НОВОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

(Думы и чувства).

VII.

Многие говорят: не добьются архипастыри русские свободы церкви. Говорят, что дѣло уже положено подъ сукно и *requiescit in pace*. Вѣчная ему память... Говорятъ и большее вѣчто.

„Когда на первыхъ порахъ выступила живая сила церкви въ лицѣ Стефана, слушатели „рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами“. Послѣ разныхъ сенсационныхъ слуховъ о перемѣщеніяхъ духовныхъ іерарховъ, мстительность обнажила мечъ расправы. В. К. Саблеръ встрѣтилъ затрудненія въ соработничествѣ, и долженъ былъ уступить мѣсто другому. Во имя одного и того же Христа—въ Москвѣ распечатали рогожскіе алтари, а въ центрѣ духовнаго вѣдомства соорудился жертвенникъ Молоху. Изъ присутствующихъ въ синодѣ нѣкоторые епископы, за дерзновеніе имѣть желаніе улучшеній, вытравлены изъ списковъ 6-го мая. Легкій взмахъ скутики: они забыли слова поэта: „*рабъ, принеси мнѣ розъ, благоуханье ихъ пріятно*“. И другіе друзья реформы удостоились принять одинаковое съ ними (Дѣян. V, 41). Такъ, въ то время какъ со всѣхъ концовъ Руси отъ разновѣрцевъ несутся привѣтствія: *caesar, te Salutamus*, къ зданію церковному господствующей (!) вѣры подходитъ конфекторъ и притворъ готовъ превратиться въ спо-

1) Н. Дурново. Разсв. № 38.

ліарій. Въ комитетѣ министровъ прошла работа облегченіи, а за угломъ, вдали отъ комитета, стали укорачивать языки православнымъ. Выражено желаніе ничего не видѣть въ печати о церковной реформѣ, и лицамъ духовнаго вѣдомства прибавлена лишняя заповѣдь: въ самыхъ мысляхъ не возвращаться къ ней. Когда синодъ всѣмъ составомъ своимъ рѣшилъ напечатать свой протоколъ, подобно тому, какъ публикуются протоколы комитета министровъ, — послѣдоваль запретъ, и судившіе и отвѣчающіе за свои дѣянія бѣдные члены синода лишній разъ ощутили, что они нули, которые получаютъ значимость только тогда, когда впереди ихъ станеть колonoвожатая единица. А пришелъ день невѣрнаго Оомы и и... Впрочемъ, такъ дѣлалось и встарь: нѣкогда богатый царедворецъ-всадникъ благодарилъ Калигулу, когда тотъ убивалъ его сына. Медленно мелеть мельница Божія, но все-таки мелеть она. Воскресни, Боже, и разори деспотизмъ въ церкви сполва!¹⁾

Не приѣмлемъ этихъ рѣчей, откуда бы онѣ не шли, и какими бы властными людьми на землѣ не произносились. Чаша терпѣнія уже переполнилась, страданія выступаютъ за края. Больше нѣтъ силъ у многихъ уже переносить то, что скрѣпя сердце переносили раньше. Не все горю быть наслѣдіемъ Божиимъ, не все кривить своей душой. Пусть будетъ, что будетъ. Такъ говорятъ многіе. „Мы знаемъ, что въ періодъ гоненій мірскія начала не признавали за церковію даже права на существованіе, и однако она возжигала сердца человѣческія больше чѣмъ когда-либо, и это было потому, что она пріяла Христа, для которыхъ не страшно вліяніе какихъ-либо мірскихъ началъ“²⁾.

Не оскудѣла Церковь святая людьми. И теперь найдутся св. Филиппы, которые властно скажутъ всѣмъ въ глаза и сказали. можетъ-быть, уже слово правды, для которыхъ не страшна будетъ не только тачка гдѣ-либо въ рудникахъ, не только не страшенъ будетъ никакой застѣнокъ, но не страшна будетъ даже и самая смерть... Найдутся люди, которые будутъ „живыми мертвецами, чтобы другимъ мертвецамъ давать жизнь“ (Св. Меѳодій), найдутъ въ себѣ мужество быть „на-

1) *З. Начало новаго индикта. Ст. № 146.*

2) *Нов. Вр.*

чертанными“, чтобы быть написанными не только на небѣ, но и на скрижаляхъ душъ людей всѣхъ временъ и народовъ. Скажутъ слово правды и Царямъ, какъ бы они грозны и страшны ни были. Одинъ изъ современныхъ уже архипастырей сказалъ: „пастыри суть подданные царей, но по духу вѣры они отцы царей“ ¹⁾. Скажутъ и большее. Не трудно и нынѣ повторить извѣстныя слова великаго великомученика св. Θεодора Студита: „не разорятъ, о царю, церковнаго добръ устроеннаго чина, глаголетъ бо святыи апостоль Павелъ: даде Богъ въ Церкви, овы убо Апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя къ совершенію святыхъ. Не преложи же Апостоль тамо царей. Тебѣ убо, о царю, поручено есть мірская управляти, градская дѣла, и воинскія силы, о тѣхъ ты и пецыся, а церковная управленія остави пастыремъ и учителемъ, по Апостольскому ученію: аще ли ни, то вѣждь, аще бы и Ангель съ небесе ученіе вѣрѣ нашей правой противное принеслъ, не послушаемъ его, кольми паче тебе брэннаго чловѣка суца имама послушати“²⁾. Найдутся люди, которые и нынѣ повторятъ слова Максима Исповѣдника: „о догматахъ вѣры испытovati и законополагати іереомъ паче, неже царемъ подобаетъ, понеже тѣмъ ввѣрено есть и царя помазovati, и руцѣ возлагати, и хлѣбъ небесный приносити, и олтарю предстояти, и вся иная Божественнѣйшая и высочайшая таинства содѣловати имъ вручися“³⁾. „Аще собори бываеміи царскими повелѣніи утверждаются, то нѣсть благочестива вѣра“. „Въ коейждо Христіанствѣи странѣ дважды помѣстнымъ соборомъ на защищеніе православныя спасительныя вѣры нашея, и на требующихъ исправленія, каноны повелѣвають бывати, обаче повелѣніи царскихъ не воспоминають“⁴⁾. Найдутся и нынѣ люди, которые скажутъ всякому, кто бы сталъ противиться церковному строенію, словами Отцовъ Вселенскаго Собора: „аще обрящется нѣкіи начальникъ возбраняющій сіе (собраніе собора), да будетъ онъ отлученъ“⁵⁾. Най-

¹⁾ *Церк. Вѣстн.*

²⁾ *Чет.-Мин.* Апр. 23, об.

³⁾ *Чет.-Мин.* Янв. 96, л.

⁴⁾ Ср. *Θеод. Ст. Пис.* 1, 287. 289.

⁵⁾ *Чет.-Мин.* Л. 100 и об.

дутся люди, которые не будутъ приспособляться къ обстоятельствамъ и въ своемъ одиночествѣ утѣшать себя словами премудраго: „лучше единъ праведникъ, нежели тысяча грѣшникъ“.

Нѣкоторые отъ словъ отчасти уже переходятъ теперь и къ дѣлу. Приведемъ нѣсколько хотя и разрозненныхъ, но весьма любопытныхъ примѣровъ, характеризующихъ собою несомнѣнно нѣкоторый переломъ въ настроеніи и служительской церкви, и вѣрныхъ сыновъ ея.

„Съ высоты занимаемаго поста С. Ю. Витте свидѣтельствуемъ вслухъ Государя и всей Русской земли, что есть еще родникъ свѣжихъ силъ въ православномъ духовенствѣ, — что не иссохъ онъ, не замерзъ еще вовсе подъ ледянымъ покровомъ бездушнаго, сухо-формальнаго, холоднаго консисторскаго и синодальнаго режима, что потечетъ этотъ родникъ бодрою струею и напоитъ жаждущія сердца „водою живою“, лишь только глянетъ на него весеннее солнышко церковнаго собора, лишь только оно согрѣетъ и растопитъ ледяной покровъ, успѣвшій за двѣсти лѣтъ превратиться въ крѣпкіе оковы живой мысли и чувства...“

Предстательство С. Ю. Витте передъ Государемъ Императоромъ за нашу обездоленную, „разбитую параличомъ“, по мѣткому выраженію Достоевскаго, церковь, — его инициатива въ этомъ дѣлѣ, по истинѣ, является величайшимъ актомъ не менѣе величайшаго благодѣянія. И какою благодарностью, какимъ, восторгомъ и умиленіемъ должно преисполниться сердце каждаго священника, живо сознающаго всю важность настоящаго момента въ исторіи своей церкви и его самаго! Газеты передаютъ, что председатель Русской церкви, Высокопреосвященный митрополитъ Антоній, послѣ принятія Комитетомъ министровъ докладной записки С. Ю. Витте о необходимости церковныхъ реформъ, въ порывѣ благодарности выразилъ инициатору твердую и непоколебимую увѣренность, что облагодѣтельствованное духовенство господствующей Русской церкви будетъ вѣчно молить Бога за своего благодѣтеля. Неужели-же Высокопреосвященнѣйшій Владыка останется голословнымъ въ заявленіи выражен-

1) 7 Всел. Соб. 6 прав.

ныхъ чувствъ С. Ю. Витте и неужели само духовенство отдѣльныхъ епархій не найдетъ простора къ выраженію своихъ чувствъ и не засвидѣтельствуетъ ихъ благодарственными адресами великому радѣтелю о насущныхъ нуждахъ православной церкви? Неужели духовенство Орловской епархіи будетъ ждать указа консисторіи за надлежащимъ №, не послѣдуетъ примѣру своихъ столичныхъ собратьевъ, не присоединится къ голосу своего Первосвятителя, отвернется равнодушно отъ переживаемаго момента, будетъ по прежнему заниматься только приходскими и хозяйственными дѣлами и не откликнется прочувствованнымъ благодарственнымъ адресомъ великимъ печальникамъ Русской церкви Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Антонію и С. Ю. Витте?

На путь, указанный Спасителемъ, проторенный апостолами и св. отцами вселенскихъ соборовъ, возвращается великая Русская церковь. Какой могучій наплывъ мыслей, какое обиліе свѣжаго чувства несетъ съ собой грядущая церковная реформа каждой живой душѣ православнаго священника!... Разрываются тяжелые оковы, наложенные могучею рукою Петра Великаго; встаетъ и пробуждается отъ двухъ-вѣковой спячки Христова Невѣста; облекается въ бѣлоснѣжные покровы ко встрѣчѣ Жениха; ласковымъ привѣтомъ свѣтять ея очи, чувствомъ материнской, беззаветной любви бьется ея кроткое, нѣжное сердце... Но приведутся-ли дѣвы,—искреннія ея приведутся-ли вслѣдъ ея?... Братья-пастыри Орловской епархіи! готовы-ли мы встрѣтить пробуждающуюся Христову Невѣсту и провести ее въ брачные чертоги Божественнаго Жениха? Не пора-ли проснуться и намъ отряхнуть сонъ отъ вѣждъ нашихъ, откашляться отъ костности, нерадѣнія, инерціи и съ свѣтлою вѣрою въ грядущее лучшее выйти во срѣтеніе Христовой Невѣстѣ и восторженно привѣтствовать ея долгожданное пробужденіе? Ужели и теперь мы останемся холодными и безчувственными, и не соберемся въ ближайшемъ будущемъ на епархіальномъ съѣздѣ засвидѣтельствовать горячую признательность усерднымъ печальникамъ нашей церкви и въ задушевной братской бесѣдѣ не обмѣняемся мыслями и желаніями по поводу грядущей реформы?! Или и теперь мы останемся коснѣть въ своемъ печальномъ скудомысліи и на

епархіальныхъ съѣздахъ по прежнему не будемъ находить для совмѣстнаго сужденія иныхъ темъ, кромѣ бюджета нашихъ учебныхъ заведеній?!

Хотѣлось бы увидѣть родное духовенство простившимся съ безстрастнымъ квіатизмомъ, сбросившимъ съ себя Обломовскій халатъ и съ бодрою вѣрою выступающимъ на путь свободнаго служенія матери-Церкви! "... 1).

Любопытный случай произошелъ въ Петербургѣ.

„Послѣднее собраніе столичныхъ пастырей прошло очень шумно. Группа молодыхъ священниковъ, составившихъ особый союзъ, предложила присутствовавшимъ на собраніи выразить въ той или иной формѣ сочувствіе митрополиту Антонію.

Предсѣдатель собранія заявилъ, что онъ ни подъ какимъ видомъ этого собранія не допуститъ безъ разрѣшенія владыки-митрополита.

Протоіерей о. Философъ Орнатскій, на это отвѣтилъ:

Мы можемъ собраться и безъ вашего разрѣшенія, когда угодно,—у насъ на это есть уставъ, утвержденный Святѣйшимъ Синодомъ.

Собраніе вскорѣ было закрыто, но оживленные разговоры продолжались. Кто-то отозвался о группѣ молодыхъ священниковъ изъ 32, какъ о лицахъ, внесшихъ расколъ въ собраніе столичныхъ пастырей. Тогда протоіерей Горчаковъ объяснилъ, что никакого раскола тутъ нѣтъ, и что дѣло состоитъ въ томъ, что нѣкоторымъ священникамъ почему-то не давали иногда совѣтъ говорить на собраніяхъ, доклады ихъ клались подъ сукно и т. п. Это-то и побудило недовольныхъ образовать изъ себя особый союзъ.

Въ настоящее время готовится особый адресъ высокопреосвященному митрополиту Антонію, къ подписанію котораго приглашается все столичное духовенство. Вмѣстѣ съ тѣмъ кружкомъ пастырей была составлена особая резолюція по поводу современной жизни“.

„29-го апрѣля, въ 8 час. вечера, въ залѣ епархіальнаго свѣчнаго завода,—какъ сообщаетъ „Слово“,—должно было состояться общее собраніе столичнаго духовенства для подписанія сочувственнаго адреса владыкѣ митрополиту Анто-

1) *Свящ. Селемъ Поповъ*. Братскій призывъ. Орл. Еп. Вѣд. № 19.

нію по поводу встревожившихъ и огорчившихъ духовенство слуховъ о его переводѣ. Явившійся въ 7^{1/2} ч. полицейскій приставъ не допустилъ собранія. И вотъ почтенные протоіереи—профессора университета, духовной академіи и убѣленные съдинами настоятели церквей удалились, напутствуемые полицейскими окриками. „А если мы откроемъ сосѣдную церковь и соберемся тамъ?“—замѣтилъ одинъ изъ пастырей. „Придется войти съ полиціей въ церковь и разогнать“,—отвѣтилъ приставъ“... 1).

Обратите вниманіе на открытое письмо сотруднику „Моск. Вѣд.“ Л. Тихомирову, подписанное священникомъ епархіальнымъ миссіонеромъ и другими лицами съ высшимъ образованіемъ. Оно такъ рѣзко, что мы не рѣшаемся даже привести его цѣликомъ.

„Милостивый государь! Ваше отвѣтное письмо преосвященному Исидору, помѣщенное въ № 92-мъ „Русскихъ Вѣдомостей“, немало насъ удивило. Не знаешь, чему вѣрить... Вы пишете, что безусловно стоите за патріаршество и соборъ. Прекрасно. Возстановленіе забытаго соборнаго принципа въ жизнедѣятельности нашей русской православной церкви всѣмъ искренно вѣрующимъ православнымъ давно и весьма желательно. Но неужели г. Грингмутъ и его „Московскія Вѣдомости“ стоятъ за возстановленіе соборности въ нашей церкви, за ея освобожденіе и обновленіе? Неужели вы серьезно и безъ всякихъ особыхъ соображеній утверждаете, что г. Грингмутъ и его газета (въ которой, къ сожалѣнію, и вы пишете) издавна служатъ церкви „очень усердно“...

Проповѣдуя, антицерковное направленіе, Грингмутъ дерзаетъ, даже, гуманнѣйшаго первосвятителя правящей церкви—высокопреосвященнѣйшаго митрополита Автонія заподозрить въ „крамолѣ“ и „политиканствѣ“, а петербургское духовенство—въ какомъ то „клерикализмѣ“... И это за то только, что высокопреосвященнѣйшій митрополитъ живо и широко откликнулся на призывъ къ освобожденію церкви отъ опеки свѣтской власти, а петербургское духовенство прямо и смѣло выдвинуло вопросъ о церковно-освободительной реформѣ на страницахъ „Церковнаго Вѣстника“.

Высокопреосвященный митрополитъ и петербургское ду-

1) Рус. Сл. № 117.

ховенство заговорили свободно потому, что къ этому призываетъ высочайшій манифестъ 18-го февраля“¹⁾).

Въ серьезномъ свѣтскомъ органѣ въ передовой статьѣ пишутъ слѣдующее.

„Независимость какой-либо области, хоть нѣкоторая свобода или по крайней мѣрѣ не рабство опредѣленной корпораціи людей опредѣляется тѣмъ, что люди эти, держась того или иного мнѣнія, не несутъ за это никакой кары, не подвергаются преслѣдованію явному или тайному, прямому или особенному за высказанный взглядъ или то или иное направленіе дѣятельности, согласованное съ личнымъ разумомъ и совѣстью. Группа духовенства, сперва въ лицѣ священниковъ и затѣмъ высшей іерархіи, преимущественно петербургской, высказавшаяся за возвращеніе церкви къ древнеканоническому строю, во всякомъ случаѣ дѣйствовала по совѣсти и разуму; наконецъ она дѣйствовала именно въ духѣ церковныхъ традицій и можетъ быть только не въ духѣ могущественныхъ чиновничьихъ вліяній. Такъ на войнѣ поступилъ бы каждый солдатъ и генераль; такъ, кромѣ самыхъ робкихъ, поступилъ бы каждый священникъ. Возстановленіе въ церкви „соборности“ на мѣстѣ чиновной коллегіальности, возстановленіе прихода, возможное возстановленіе патриаршества, это такія аксіомы богословской науки, тысячу разъ пережеванныя на страницахъ рѣшительно всѣхъ богословскихъ журналовъ, о которыхъ давно никто не спорить. Если это не двигалось практически, то только „по независимымъ обстоятельствамъ“, подъ которыми въ Россіи подразумѣвается простое чиновническое непозволеніе. Но по долгу священнической службы, по долгу іерархической службы, передъ Евангеліемъ и крестомъ, всякій священникъ и каждый епископъ долженъ былъ полагать всѣ усилія, чтобы способствовать словомъ и дѣломъ возстановленію въ религіозной жизни Россіи если непременно не московскихъ, то на примѣръ кіевскихъ или греческихъ формъ жизни и управленія на мѣсто всего 200 лѣтъ существующихъ петер-

¹⁾ Рус. Ст. № 120. Тверской Епархіальный миссіонеръ, священникъ *Владиміръ Кулленскій*. Секретарь ржевской земской управы *Н. Моцневичъ*. Епархіальнаго женскаго училища преподаватель *Федоръ Алексинскій*. Надворный Совѣтникъ *Петръ Ивановичъ Волковъ*.

бургскихъ формъ. Такимъ образомъ при самомъ строгомъ анализѣ нельзя найти ничего порицаемаго въ инициативѣ церковной реформы, принятой на себя группою петербургскихъ священниковъ и затѣмъ взятою подъ свое покровительство высшею петербургскою іерархіею. Реформа отложена. Но вѣдь мысль ея признана истинною, справедливою, основательною съ высоты Престола, въ резолюціи, положенной Государемъ на докладной запискѣ, представленной отъ лица Св. Синода. Отложена, въ памятныхъ словахъ Государя, не по ложности мысли реформы, а за трудностью и тревожностью современнаго положенія Россіи, мѣшающаго спокойно и глубоко провести реформу.

Во всякомъ случаѣ конечно, кромѣ общественной благодарности и нѣкоторой исторической чести, инициатива этихъ добрыхъ пастырей и іерарховъ ничего за собою не должна бы повлечь. Мы поэтому не придали въ свое время никакого значенія появившемуся недѣли двѣ назадъ извѣстію въ газетахъ о предполагаемомъ „перемѣщеніи“ высокопреосвященнаго митрополита Антонія изъ Петербурга на другую кафедру“. Каждому понятно значеніе „перемѣщенія“ изъ столицы Имперіи уже очевидно не въ столицу же, а въ губернской городъ „съ отгѣнкомъ“ историческихъ воспоминаній, и изъ первоприсутствующихъ Св. Синода, каковая должность неотъемлемо соединена съ кафедрою въ метрополіи, въ „члены“ Св. Синода, и, можетъ быть, даже безъ нарочитаго вызова въ Петербургъ. Труднѣе изъ Петербурга „вывезти“, а уже не позвать въ Петербургъ совсѣмъ легко. Вспомнимъ митрополита Филарета, не „вызывавшагося“ въ Петербургъ изъ Москвы почти во все время оберъ-прокуратуры враждебнаго къ нему Протасова, которому онъ „возражалъ“... Намъ казалось, что времена 40-хъ годовъ XIX вѣка вовсе не то, что наши времена, и, повторяемъ, такому слуху-извѣстію, мы не хотѣли вѣрить, пока и до насъ не дошли извѣстія болѣе мрачнаго характера, фактическая сторона которыхъ передана въ „Словѣ“ отъ 24 апрѣля.

Заговорили послѣдніе мѣсяцы о приходѣ; о томъ, что прихожане храма въ правѣ имѣть „излюбленнаго батюшку“ и жители города въ правѣ пожелать себѣ „чтимага, уважаемаго архипастыря“... Нужно подумать гг. чиновникамъ и о жителейхъ нашего Петербурга.

Кончимъ евангельскимъ словомъ: „поражу пастыря и разсѣются овцы“. Очевидно, дѣло идетъ вовсе не объ одномъ митрополитѣ Антоніи, или о немъ пока „въ первую голову“. Если его „перемѣщеніе“ еще возбуждаетъ вниманіе и толки, то разныя „перемѣщенія“ вплоть до полнаго „аннулированія“, т.-е. приравненія къ нулю, такихъ друзей реформы, какъ епископъ нарвскій Антонинъ, какъ свящ. А. П. Рождественскій или тѣ 32 священника (мы слышали, что число ихъ теперь возросло до 80), которые сдѣлали первый шагъ во всемъ этомъ дѣлѣ,—разныя „удаленія“, „перемѣщенія“ и наконецъ вовсе „смѣщенія“ ихъ не возбуждаютъ никакого общественнаго вниманія и пройдутъ бюрократически „гладко“. Но, къ счастью, общество считаетъ очень серьезною заслугою и первый голосъ этихъ 32-хъ священниковъ, и взгляды въ комиссіи о выработкѣ новаго „Устава о печати“, высказанныя еп. Антониномъ и А. П. Рождественскимъ, и наконецъ, вообще все движеніе въ сторону реформы, взятое подъ покровительство свое высокопреосвященнымъ митрополитомъ Антоніемъ въ согласіи со всѣми остальными членами Синода. Общество не склонно забывать историческихъ заслугъ, какъ и имѣетъ память объ общественно-историческихъ „дефектахъ“. Его вниманіе пробудится. Оно будетъ ждать „ожидаемыхъ перемѣщеній“. И вѣщее сердце говоритъ намъ, что этихъ „перемѣщеній“ *не произойдетъ* ¹⁾...

Одинъ преподаватель духовной Семинаріи пишетъ.

„Въ древнее время лучшими представителями голоса церковной общины на соборахъ были епископы, избиравшіеся общиною и служившіе живымъ воплощеніемъ ея вѣрованій и желаній. И теперь это возможно гдѣ-нибудь въ антиохійскомъ патріархатѣ, гдѣ въ силу его незначительности митрополиты и епископы знаютъ cadaго члена своей общины. Не то въ Россіи, въ которой каждая епархія чуть ли не больше двухъ восточныхъ патріархатовъ, вмѣстѣ взятыхъ; здѣсь немислимо такое тѣсное общеніе вѣры и мысли между паствою и ея архипастыремъ, что является серьезной помѣхой къ развитію религіозной жизни. Что знаютъ о своихъ церквахъ и своихъ пасомыхъ наши епископы, перемѣщае-

¹⁾ Предполагаемая „перемѣщенія“ въ духовномъ вѣдомствѣ. *Нов. Вр.* № 10467.

мы постоянно съ одной кафедрѣ на другую? Они не знаютъ даже своего кафедральнаго города, не говоря уже о другихъ, городахъ епархіи, и тѣмъ болѣе о селахъ и деревняхъ. И яѣкоторые архипастыри дѣйствительно сознаютъ, что, явившись къ паствѣ не по зову ея, а по назначенію оберъ-прокурора, они не могутъ быть представителями своихъ общинъ“¹⁾.

Иеромонахъ Давидъ говоритъ:

„Пастыри, по идеѣ своего служенія, должны быть защитниками угнетенныхъ, утѣшителями скорбящихъ, обязаны умиротворять взаимныя отношенія членовъ общества, возвышать свой голосъ при видѣ явнаго попранія правосудія и любви, при возобладаніи въ обществѣ вопіющихъ золь. Такой и была церковная іерархія на первыхъ порахъ, она печаловалась предъ правителями, власть имущими и знатными за обиженныхъ судьбой людей. Но послѣ, когда она свернула съ своего прямого назначенія, омірщилась, поставила себя въ зависимость отъ сильныхъ міра сего,—уже перестала заботиться объ охраненіи правъ и преимуществъ слабыхъ и бѣдныхъ, опасаясь тѣмъ вызвать неприязнь противъ себя со стороны князей вѣка сего. Духовные отцы закрывали глаза на общественныя язвы, равнодушно смотрѣли на ненормальности во взаимныхъ отношеніяхъ людей; на слезы и вопли своихъ чадъ они отвѣчали требованіемъ безропотнаго перенесенія жизненныхъ бѣдствій, полегченія о спасеніи души, а не о временныхъ благахъ, и только сулили воздаяніе въ замогильномъ мірѣ. Забыли они ту простую истину, что, при тяжелыхъ условіяхъ жизни, человѣку весьма трудно созидать въ себѣ свѣтлыя, возвышенныя настроенія, воспарять къ горнему міру. Не желая рисковать своимъ официальнымъ положеніемъ, духовенство не только само уклонялось отъ обсужденія и рѣшенія жгучихъ социально-экономическихъ вопросовъ, но и интеллигенціи, взявшей на себя трудъ облегченія и улучшенія участи меньшихъ братьевъ, препятствовало, указывая на тѣ слова св. писанія, коими требуется довольство своимъ положеніемъ, какъ бы оно ни было тягостно, и умалчивая о тѣхъ мѣстахъ въ священныхъ книгахъ, гдѣ говорится о самопожертвованіи

1) *Преподаватель семинаріи. Церковная свобода. Сл. № 140.*

за благо своихъ ближнихъ. Интеллигенція, не встрѣчая со стороны духовенства сочувствія и поддержки въ дѣлѣ служенія народу и даже испытывая отъ него разныя препятствія, понятное дѣло, не могла дружелюбно относиться къ нему ¹⁾“...

Священникъ пишетъ:

„Казалось, понятно всѣмъ, что говорить о духовенствѣ русскомъ, какъ живомъ органѣ государства никто не станетъ. Давно вышвырнули духовенство изъ рядовъ людей живыхъ, имѣющихъ право претендовать на участіе во всемъ, что касается жизни человѣка. Давно, очень давно „солг обуяла“ и нечѣмъ міру осолиться. Давно духовенство лишено инициативы, а исполняетъ только приказы, распоряженія и усмотрѣнія высшей власти.

Была пора, когда духовенство чутко отзывалось не только на нравственныя, но и социальныя потребности своихъ духовныхъ чадъ. Но великое время прошло, и колоссальная духовная сила утрачена. Духовенство превратилось въ скромное чиновничество, безпрекословно исполняющее волю начальства. Но вѣдь въ ту пору далекую какъ на вѣчѣ въ Новгородѣ, такъ и предъ Княземъ, митрополитъ былъ первымъ совѣтникомъ. Теперь же что такое митрополитъ?—Насъ насильно оттерли, отъ жизни насильно навязали намъ и тяжелыя обязанности полицейскаго сыска. Мы болѣемъ неестественнымъ нашимъ положеніемъ, тяготимся имъ, склится бѣжать изъ духовнаго вѣдомства, но насъ, какъ несчастнаго козла, скрутили за рога и ведутъ, куда положительно не желаемъ. И съ верховъ, и съ низу сѣяли вѣтеръ, теперь приходится пожинать бурю, а мы, духовенство, держи отвѣтъ“ ²⁾.

Извѣстный всѣмъ о. Іоаннъ говоритъ:

„Божіе ли царство Россія? Это ли царство православное, это ли царство Господне?

...Допущень безнаказанный переходъ изъ Православія въ какую угодно вѣру,—между тѣмъ какъ тотъ же Господь, Котораго мы исповѣдуемъ, — въ Ветхомъ Завѣтѣ опре-

¹⁾ Герол. Давидъ. Почему интеллигенція враждебна духовенству. Полод. Еп. Вѣд. Ср. Арханг. Еп. Вѣд. № 9, стр. 119.

²⁾ Свящ. Василій Л—овскій. Ст. № 140.

дѣлалъ смертную казнь отвергшимся (Евр. 10, 28) Закона Моисеева.

Всякое царство, раздѣлившееся само въ себя, опустѣетъ,— говоритъ Господь,— и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся самъ въ себя, не устоитъ (Мѡ. 12, 25). Если въ Россіи такъ пойдутъ дѣла, и безбожники и анархисты-безумцы не будутъ подвержены праведной карѣ закона, и если Россія не очистится отъ множества плевеловъ, то она опустѣетъ, какъ древнія царства и города, стертые правосудіемъ Божиимъ съ лица земли за свое безбожіе и за свои беззаконія (Вавилонское, Ассирійское, Египетское, Греческо-Македонское).

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ Лица Его ненавидящія Его; яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ: яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ грѣшницы отъ Лица Божія, а праведницы да возвеселятся (Пс. 64, 1—4) ¹⁾. Аминь.

„Православный Собесѣдникъ“ пишетъ:

„Духовенство горько заволновалось на раздавшіеся вдругъ по его адресу упреки и обвиненія... и само поспѣшило познакомиться съ собою общество, выяснитъ свои нужды. И эти голоса, раздавшіеся въ отвѣтъ на обвиненія въ бездѣйствіи, попавшіе, повидимому, въ самое больное мѣсто, во-очію свидѣтельствуя, что наше духовенство еще имѣетъ въ своей средѣ многихъ честныхъ, развитыхъ, любящихъ свою родину, пастырей, что далеко не всѣ они утратили способность болѣть душою и всецѣло потонули въ тинѣ житейской, но напротивъ есть много такихъ, которые сохранили въ себѣ душу живу, что вина за то, что они бездѣйствуютъ и молчатъ въ значительной степени падаетъ не на нихъ лично, а на тѣ ненормальныя (моральныя и матеріальныя условія), въ которыхъ имъ приходится жить и работать... Учащему сословію русской церкви нужна внутренняя свобода, освобожденіе отъ „духовнаго рабства“, которое въѣлось въ плоть и кровь нѣкоторыхъ нашихъ пастырей и потому прорывается наружу при всякомъ поводѣ, а при отправленіи пастырскихъ обязанностей, можетъ быть, и больше, чѣмъ гдѣ-либо... Пошлая угодливость, угадываніе мыслей, которыя могутъ быть пріятны для людей господствующаго

1) „Божіе ли царство Россія?“ Слово на 14 мая. Моск. Вѣд. № 131.

теченія. „ласкательство предъ мірскимъ разумомъ“, льстивое прислуживаніе „факту“, „силѣ“, власти, наличному положенію и оправданіе этого наличнаго положенія—раболѣпническое и холопское,—все это составляетъ тяжелую болѣзнь и давнишній грѣхъ нашего высшаго и низшаго духовенства. Много, конечно, условій вліяло на развитіе въ нашемъ духовенствѣ этого „рабскаго духа“, не безъ вліянія здѣсь были и уроки нашей русской исторіи“¹⁾..

Въ „Душеполезномъ Читеніи“ мы читаемъ:

„Помѣстный соборъ настоящаго времени возстановитъ, обновитъ русскую жизнь,—не церковную только, но и общественную, вдохнетъ новую струю, поведетъ миллионы русскаго народа по пути, по которому онъ достигнетъ свѣтлаго будущаго“²⁾.

„Церковный Вѣстникъ“ пишетъ:

„Съ глубокою радостью, съ облегченіемъ и умиротвореніемъ давно возмущеннаго религіознаго чувства прочелъ я, какъ прочли, вѣроятно, и всѣ истинно-православные сыны церкви, призывъ къ церковной свободѣ, выраженный въ „миѣннй группы столичныхъ священниковъ о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ правленіи“... Сдвинутая въ дѣлѣ управленія съ каноническихъ основъ своихъ, церковь естественно должна была утратить обезпечиваемую этими канонами свободу, перестала быть самоуправляющимся цѣлымъ и стала управляемою извнѣ, примѣнительно къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ и внѣшнимъ цѣлямъ... Она сдѣлалась, подъ громкимъ и лицемѣрнымъ титуломъ господствующей, рабою, того же самаго государства. Голосъ церкви ослился, такимъ образомъ, съ голосомъ государства, сталъ даже въ лучшихъ случаяхъ только равночестнымъ ему и утратилъ вслѣдствіе того обаятельное значеніе свое и силу.

Отношенія къ церкви ограничиваются въ большинствѣ случаевъ только отбываніемъ религіозной повинности на ряду съ отбываніемъ ряда повинностей государственныхъ и мірскихъ. Безвѣрная вѣра исподволь замѣняетъ вѣру жи-

¹⁾ А. О. Пастырское „молчаніе“ и его причины. Правосл. Соб. № 4, стр. 661—662.

²⁾ С. Артоболевскій. Ст. цит. Душ. Чит. № 5, стр. 146.

вую. Да иначе и не может быть и не могло быть при двух-сотлѣтнемъ безмолвіи и бездѣйствіи церкви.

Культура и церковь, интеллигенція и церковь жили въ теченіе двухъ вѣковъ церковнаго нестроенія, какъ независимые другъ отъ друга лагери, въ лучшемъ случаѣ относясь другъ къ другу вполне индифферентно, и враждуя другъ съ другомъ въ худшемъ. Къ культурѣ и наукѣ она относилась безъ всякаго вниманія. Не такъ дѣйствовало и думало христіанство первыхъ вѣковъ, да и не однихъ только первыхъ вѣковъ. Оно не оставило не использованнымъ ни одного золотника жившихъ до него, но не вѣдавшихъ еще его народовъ, употребило во славу и пользу себѣ весь еще крайне скудный тогда арсеналь научнаго познанія. Что было бы теперь, если бы церковь воспользовалась всѣми современными научными открытіями? Съ небывалой широтою раскинувшійся кругозоръ научнаго познанія предоставлялъ бы церкви только новыя и новыя орудія къ исполненію ея святаго своего призванія...

Ослабленная въ своемъ воздѣйствіи на такъ называемые низшіе, консервативные слои народа и оторванная отъ такъ называемыхъ высшихъ культурныхъ слоевъ, порабощенная, прикованная, по выраженію поэта-богослова, „къ подножію суетной земной власти“, церковь не только не возжигала вѣру въ сердцахъ человѣческихъ, но и содѣйствовала ея охлажденію, если даже и не угасала ея. „Когда существующій порядокъ вещей весь, цѣликомъ ставится подъ непосредственную охрану вѣры, когда ей, такъ сказать, навязывается одобреніе, благословеніе и освященіе всего, что есть въ данную минуту, но чего не было вчера и чего можетъ не быть завтра, тогда естественно всѣ самыя разумныя потребности, не удовлетворяемыя настоящимъ, всѣ самыя мирныя и скромныя надежды на лучшее, наконецъ, самая вѣра въ народную будущность, все это приурочивается смотрѣть на вѣру, какъ на преграду, черезъ которую рано или поздно надо будетъ перешагнуть и мало по-малу склоняется къ невѣрію... Вѣра воспитываетъ терпѣніе, самопожертвованіе и укрощаетъ личныя страсти—это такъ, но нельзя прибѣгать къ ней только тогда, когда страсти разыгрываются, и только для того, чтобы кого-нибудь урезонить, призращать расправой на томъ свѣтѣ. Вѣра не палка, а въ ру-

какъ того, кто держитъ ее какъ палку, чтобы защищать себя и пугать другихъ, она разбивается въ щепы... Требованіе отъ вѣры какой бы то ни было полицейской службы есть ни что иное, какъ своего рода проповѣдь невѣрія, можетъ быть опаснѣйшая изъ всѣхъ по ея общепонятности“¹⁾.

„Отсюда дѣлается понятнымъ и то оскудѣніе епископства, которое такъ замѣтно въ настоящее время, и та чиновничья робость предъ начальствомъ, готовность поступиться совѣстью, которая сказалась въ безропотномъ несеніи „оберъ-прокуроровскаго ига“. „Мы, епископы, пишетъ одинъ изъ нихъ, сознавали и сознаемъ ненормальность настоящаго положенія церкви и поработченность ея мірскимъ началомъ. Но что же дѣлать? Протестовать противъ этого мы не можемъ. Вотъ если бы за это дѣло взялись міряне,—это было бы хорошо“. И это пишетъ епископъ, которому интересъ церкви долженъ быть дороже самой жизни. Князь церкви открыто сознается въ своей слабости и проситъ помощи у мірянина. Нѣтъ, свое благополучіе для большей части этихъ людей дороже всего. Исключеніе составляютъ только нѣсколько дѣйствительно выдающихся іерарховъ.

Почему же наши епископы не могли списавшись, если ужъ нельзя сѣхаться въ одно мѣсто, выработать что-либо подобное той запискѣ, которую представили 32 священника. У нихъ не хватило на это рѣшимости, а вотъ бѣлое духовенство нашло въ себѣ силы пойти на борьбу за истинную жизнь церкви; эти люди, имѣющіе за своими спинами цѣлыя семьи, не убоялись тяжелыхъ для себя послѣдствій“...²⁾

Въ другихъ изданіяхъ мы читаемъ.

„Волею государя созывъ церковнаго собора отложенъ. Полагаемъ, что это не только не освобождаетъ отъ обязанности обсуждать вопросы будущей реформы, но напротивъ заставляетъ торопиться, чтобы къ великому часу была сдѣлана вся черновая работа, собраны всѣ „матеріалы“ для соборнаго обсужденія. Какъ такіе матеріалы, мы и намѣрены дать рядъ замѣтокъ о возможномъ устройствѣ церковнаго управленія“³⁾.

„Будемъ надѣяться, что при Патріархѣ русское духовен-

¹⁾ *Н. Ахсаковъ.* Канонъ и свобода. Церк. Вѣстн. № 17, стр. 525.

²⁾ *Преп. Селиваріи.* Церковный соборъ и бѣлое духовенство. Сл. № 140.

³⁾ *Архи. м. Михаилъ.* „Первосвятитель“ или „первоприсутствующій“? Церк. Вѣстн. № 19, стр. 587.

ство вздохнуть свободно. Представьте себѣ, побываль я во всей Европѣ, знакомъ со всѣми религіями и исповѣданіями, и нѣтъ же нигдѣ духовенства болѣе жалкаго, какъ русское духовенство. А вѣдь, не угодно ли, къ нему предъявляютъ громадныя требованія, обвиняютъ его въ малодѣятельности и чуть ли не въ потворствѣ людскимъ порокамъ... Да Боже мой, сдѣлайте сначала духовенство независимымъ отъ словесныхъ овецъ, дайте священнику 100 рубл. въ мѣсяцъ, а потомъ и спрашивайте съ него“... 1)

„Въ созиданіи народной жизни далеко не послѣднее мѣсто было отведено русскому православному пастырю. Гдѣ-то сказано, что постепенный ростъ русскаго народа на половину созидался православнымъ пастыремъ. Съ этимъ нельзя не согласиться. Историческія данныя говорятъ за то, что древняя Русь не знала иныхъ духовныхъ руководителей, кромѣ пастырей. Древній пастырь былъ истинный пѣступъ народнаго духа. Намъ нужно быть тѣмъ же, чѣмъ были древніе пастыри. Священникъ о. Петровъ пишетъ: „самое великое горе въ жизни не то, что люди дѣлаютъ зло и жизнь полна неправды. Страшно тупое равнодушіе людей къ добру и правдѣ, довольство собою, гордость своею жизнью. Люди свыклись съ нравственной духотой и спокойно остаются въ ней. Пастырь всего наиболѣе теперь долженъ опасаться такого состоянія“ 2).

„Современное настроеніе пастырей свидѣтельствуетъ о жизнеспособности православной церкви, стремящейся къ оздоровленію своей жизни, къ искорененію тѣхъ болѣзнетворныхъ наростовъ, какіе временемъ привились къ этой жизни, благодаря безпечному невниманію членовъ ея, подъ покровомъ господствующаго значенія нашей церкви. Вполнѣ понятно, что стремленіе къ самоусовершенствованію путемъ преобразованія нашей церковно-приходской жизни,—самый существенный и насущный вопросъ для насъ“ 3).

1) *Свящ. П. Горюцкий*. Надежды на будущій Всероссийскій духовный соборъ. Ярослав. Еп. Вѣд. № 19, стр. 278.

2) *Дяк. Іоаннъ Зайцевъ*. Современное пастырство и его задачи. (Къ вопросу объ обновленіи жизни). Тамб. Еп. Вѣд.

3) *Свящ. Н. Богацкий*. Къ вопросу объ улучшеніи приходской жизни. Полт. Еп. Вѣд. № 14 стр. 506. Ср. *Енисейскія Еп. Вѣд.* Церковныя реформы. № 8—9 стр. 227 и многія другія изданія.

„Старообрядческая церковь во-очію показала свою жизненность и несокрушимость.

Чуждая какихъ-либо насильственныхъ мѣръ, она все свое вліяніе оказывала исключительно мѣрамъ внутренняго, духовнаго воздѣйствія. Не нуждаясь въ „содѣйствіи“ свѣтской власти къ достиженію своихъ чисто религіозныхъ цѣлей, старообрядчество черпало съ избыткомъ свои силы лишь въ нравственномъ сознаніи единства и строгой согласованности своихъ убѣжденій съ канонами древней церкви.

Не мудрено, что старообрядцы такъ рѣзко отшатнулись отъ „господствующей“ церкви, и всякія попытки съ стороны послѣдней присоединить „отклонившихся“, „заблудшихъ“ до сихъ поръ не имѣли рѣшительно никакого успѣха. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто, имѣя здравый разумъ и дорожа своими религіозными убѣжденіями, рѣшится отдать всего себя въ полнѣйшее распоряженіе и безвозвратную „опеку“ консисторскихъ и синодальныхъ чиновниковъ? Вотъ почему мысль о единеніи старообрядцевъ съ „православіемъ“ такъ желательна въ интересахъ единства и неразрывности, какъ одного тѣла—церкви, неприемлема иначе, какъ на полномъ отрѣшеніи отъ покровительства синодскихъ чиновниковъ и на принятіи православной церковью всего уклада истинной церковно-религіозной жизни—и именно на началахъ „соборности“, что предполагаетъ въ рѣшеніи вопросовъ церкви одинаковое участіе какъ мірянъ, такъ и духовныхъ лицъ, а также выборное начало клира со стороны мірянъ, но исключаетъ возможность воздѣйствія гг. „синодаловъ“¹⁾.

„Русское Дѣло“ пишетъ:

„Опасность огромная, но дѣло проще, чѣмъ въ 1612 году. Внѣшній врагъ еще далеко, внутренній ничтоженъ числомъ и силенъ лишь своей организаціей и тѣмъ духовнымъ оружіемъ, которое у него въ рукахъ: печатью, наукой, общественными учрежденіями. Бюрократія растерялась и совершенно забыла про церковь. Церковь, ставшая сама бюрократическимъ вѣдомствомъ, забыла про свою земную задачу—быть естественной народной организаціей Русскаго Царства.

Выводъ отсюда одинъ.

1) Свяц. Т. Черкасскій. Бирж. Вѣд. № 149.

Надо прежде всего и немедленно возстановить эту организацію, ибо теперь уже ясно, какъ бѣлый день, что если церковь не остановитъ революцію, то междоусобія не предотвратитъ никто и ничто, разъ народъ проснется. А онъ уже просыпается и начинаетъ называть и указывать своихъ враговъ, которыми, къ стыду нашему и позору, стали сами того не вѣдая, лучшія его дѣти.

Каноны православной церкви святы и не нарушимы ни для кого. Православный царь только ихъ оберегатель и исполнитель. Между тѣмъ съ Петра I они у насъ грубо нарушены. Будемъ молить Государя ради спасенія себя и земли русской, не уклонитъ возстановить ихъ въ полной силѣ. Раньше всякаго земскаго собора или иного созыва какихъ бы то ни было „представителей“ долженъ быть собранъ въ Москвѣ помѣстный соборъ іерарховъ русской церкви, чтобы возстановить ея древнее автономное устройство, утвердить въ ихъ епархіяхъ архіереевъ и избрать патріарха, главу автокефальной Русской Церкви. Возстановить ее въ полной силѣ возможно немедленно, не спрашиваясь ни у кого, не нарушая ничьихъ правъ, не производя никакихъ безпорядковъ ¹⁾“.

„Церковная реформа никоимъ образомъ не можетъ быть отложена „до окончанія войны“, хотя бы уже потому, что самая война иначе кончится при приходѣ, т. е. при организованномъ народѣ, и при церкви свободной, чѣмъ безъ прихода и при бюрократическомъ духовномъ вѣдомствѣ.

Установить здѣсь тѣсную связь совсѣмъ не трудно. Что мѣшаетъ войнѣ? Что парализуетъ наши силы въ борьбѣ со врагомъ? Внутренняя смута. Что можетъ остановить смуту? Только ясная, нормальная, прочная организація нижней, народной Россіи. Въ чемъ заключается эта организація? Только въ приходѣ, какъ первой ячейкѣ свободной, соборной и апостольской Церкви и ни въ чемъ другомъ, т. е. въ объединеніи всѣхъ русскихъ народныхъ группъ подъ знаменемъ освобожденной отъ внѣшнихъ узъ Церкви.

Вотъ почему мы глубоко убѣждены въ томъ, что нельзя ни на одинъ день затягивать созывъ помѣстнаго собора, ибо въ немъ, безъ всякаго преувеличенія, начало всего, въ

¹⁾ Русск. Дѣло. № 5. стр. 4—5

немъ первый шагъ къ спасенію Россіи, къ организаціи народныхъ силъ, къ прекращенію смуты, къ обезпеченію, наконецъ, славнаго и побѣдоноснаго конца войны ¹⁾“.

„Мы знаемъ твердо, что даже пораженіе всего нашего флота Россіи смертельной раны еще не причинить, что возродившись и сплотившись подъ знаменемъ Церкви вокругъ своего Царя, Россія, въ самое короткое время станетъ вновь и могущественною, и грозною, и побѣдоносною. Будетъ выстроены и новый флотъ, достаточный для господства на Тихомъ Океанѣ, и Сибирскій второй путь, и если нужно, рядъ крѣпостей. Но все это станется только тогда, когда наша Церковь, наша истинная и непреоборимая цитадель будетъ освобождена изъ своего нынѣшняго плѣна и станетъ дѣйствующею и организующею Россію силой ²⁾“.

„Можно быть вполне спокойнымъ: дѣло это отнюдь не носитъ на себѣ признаковъ какой-то подпольной революціи, воспользовавшейся смутой въ государствѣ; оно началось сверху, и, смѣю думать, скорѣйшее разрѣшеніе его послужитъ лишь къ подъему общей нашей народной жизни, въ чемъ Русь теперь такъ нуждается, а не къ увеличенію смуты и разстройства... О выходкахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ противъ первенствующаго митрополита я не хочу говорить. Очень жаль, что пошлость и инсинуація у насъ проникаютъ всюду и грязнятъ собою иногда самое святое и великое ³⁾“.

Даже князь Мещерскій утѣшаетъ себя надеждой, что плѣненіе „церкви будетъ кратковременно“. Но, спрашивается, не онъ ли самъ съ своими единомышленниками содѣйствовалъ тому, чтобы это „плѣненіе“ продлилось на неопредѣленное время? Теперь и получилось нѣчто странное, чѣмъ ревнивые граждане поставлены въ неловкое противорѣчіе сами съ собою. Радѣя о благѣ отечества, они мѣшали приобрѣсти полноправіе роднымъ его дѣтямъ, но не мѣшали получить права свободы пасынкамъ его, часто непокорнымъ и безпокойнымъ“ ⁴⁾... А мы добавимъ отъ себя еще и слѣ-

¹⁾ Русск. Дѣло № 14, стр. 2.

²⁾ Церковные вопросы. Русск. Дѣло. № 14, стр. 6.

³⁾ *Епископъ Сергій*. Письмо къ редактору „Русскаго Дѣла“. № 15, стр. 8—9.

⁴⁾ Мятвня и отзывы. Церк. Вѣст. № 17. Стр. 521 сл.

дующее. Защищая каноны и говоря о необходимости устройства всей церковной жизни исключительно по канонамъ церкви, они взывали къ свѣтской власти о „пресѣченіи“... Говоря иначе, одною рукою разрушали то, что созидали другою...

Нѣкоторые же болѣе пылкіе и стремительные люди грозятъ даже переходомъ въ другія исповѣданія, если, кому слѣдуетъ, не обратятъ вниманіе на голосъ ихъ. Тѣмъ болѣе, говорятъ они, что теперь можно переходить въ другія исповѣданія съ Высочайшаго разрѣшенія, не теряя даже правъ и преимуществъ по службѣ...

Въ вѣка давно минувшія, мужъ великой мудрости Гамалиилъ, своимъ собратіямъ, не въ мѣру старавшимся ограничить распространеніе ученія Христова, говорилъ: „мужи израильскіе! подумайте сами съ собою о людяхъ сихъ (апостолахъ), что вамъ съ ними дѣлать? Говорю вамъ, отстаньте отъ людей сихъ и оставьте ихъ; ибо если это предпріятіе не отъ Бога и это дѣло—отъ человѣковъ, то оно разрушится, а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вамъ не оказаться *богопротивниками*. И они послушались его“ (Дѣян. 5, 35. 38—39). Эти слова нужно повторить и нынѣ всѣмъ, кто хочетъ воспрепятствовать проведенію церковной реформы. Впрочемъ, теперь невозможно это и по другимъ причинамъ: обнародована уже воля Государя о созывѣ всероссійскаго собора для устройства церкви на чисто каноническихъ началахъ.

Говорятъ еще: „никакое государство не даетъ въ настоящее время Церкви полной автономіи, а тѣмъ, болѣе Церкви „господствующей“¹⁾. Здѣсь рѣчь идетъ о продолженіи прежняго насилія, о „загражденіи усть“... Откровенная рѣчь, но едва-ли похвальная не только въ наши дни, но и когда либо въ вѣкахъ давно минувшихъ. Были времена, когда люди побѣждали всякія насилія. Эти времена могутъ повториться и нынѣ,—вотъ что можно сказать произносящимъ подобныя рѣчи.

Вѣримъ и надѣмся, что наши законныя и справедливыя просьбы будутъ всѣми поняты и близко приняты къ сердцу. Вѣримъ и надѣмся, что насъ не доведутъ до исповѣданія

¹⁾ *Нов. Вр.* № 10446.

вѣры того самаго, какое было въ вѣкахъ минувшихъ. „Отнынѣ мы неуклонно пойдѣмъ на встрѣчу этому грядущему свѣтлому будущему, этому „царствію Божію, грядущему въ силѣ“ (Мр. 9, 1) на нашу св. Русь, будемъ привѣтствовать его, какъ счастливѣйшую эпоху въ нашей церковной исторіи, и всѣчески содѣйствовать ея скорѣйшему наступленію“ 1). Сіе буди, буди. Ей, гряди, Господи..

VIII.

И кончилъ.

Пусть читатель не ищетъ въ моей *бѣглой* замѣткѣ ученаго, обширнаго трактата по столь серьезному и важному вопросу, какъ церковная реформа. Пусть онъ не ищетъ въ ней, точнаго и непогрѣшимаго отвѣта на жгучій современный вопросъ, что дѣлать дальше и какъ выдти изъ затруднительнаго положенія. Я не имѣлъ ни времени, ни нужды заниматься этимъ вопросомъ чисто научно. Да и невозможно было бы сдѣлать это въ *бѣглой* замѣткѣ. Научный матеріалъ, необходимый для сужденія о церковной реформѣ, теперь почти необозримъ. Почитайте св. Писаніе, свящ. каноны, просмотрите исторію церкви древней, византійской, русской, просмотрите ученѣйшіе труды нашихъ извѣстныхъ богослововъ и выдающихся свѣтскихъ писателей по каждому злободневному церковному вопросу, изучите исторію церковнаго управленія въ церквахъ единовѣрнаго намъ Востока, загляните на Западъ, особенно посмотрите на желѣзную организацію церковной жизни у католиковъ,—и вы вполне убѣдитесь въ этомъ. Въ *бѣглой* замѣткѣ мнѣ хотѣлось лишь обозрѣть въ современной литературѣ—духовной и свѣтской—отраженіе новыхъ церковныхъ вѣяній, исходящихъ изъ самаго Св. Синода, отъ вышихъ архипастырей нашей церкви. При всемъ моемъ желаніи собрать все выдающееся въ этомъ отношеніи, я не могъ. Каждый день приносилъ все новые матеріалы, и я убѣдился, что имъ не будетъ конца... Читая произведенія авторовъ, пишущихъ въ самыхъ противоположныхъ и отдаленныхъ концахъ Россіи, занимающихъ различныя положенія, я удивлялся, какъ одинаково интересны эти вопросы для всѣхъ, какъ наболѣлись и настрадались за нихъ

1) *Церк. Вѣсти.*

и о нихъ люди въ теченіе многихъ лѣтъ томленія и туги душевной. Одинъ моментъ сдѣлалъ все, поднявъ всѣхъ на ноги. Мнѣ думается, что самая сложная и искусная организація пропаганды какихъ либо идей не могла бы достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ, какихъ достигло одно слово... Такъ подготовлена была годами многихъ страданій почва для воспріятія новыхъ церковныхъ идей. Читая безчисленныя замѣтки о неотложной необходимости у насъ церковной реформы, я во-очію убѣдился, „какъ нивы побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ“ (Іоан. 4, 35). Серьезны запросы времени. Внимательно пужно отнестись къ нимъ. Нужно не пропустить „благопріятнаго лѣта“.

Моя замѣтка представляетъ собою отчасти и исповѣдь моего сердца, моихъ завѣтныхъ думъ, гаданій, чаяній и отвѣтъ тѣмъ, которые упрекали меня въ молчаніи изъ-за боязни и „страхованій“...

Читая мои строки, пусть никто не считаетъ меня „крамольникомъ“. Любить и говорить правду не значитъ быть „крамольникомъ“. Я горячо люблю свою родину, глубоко преданъ своему Государю, но безъ лицемерія и низкопоклонства. Читилъ всегда глубоко своихъ архипастырей, а теперь послѣ того, какъ они возвысили свой голосъ на защиту церкви, чту еще больше ихъ, склоняюсь предъ ними до земли и цѣлую даже ноги ихъ. Беззавѣтно люблю и свою св. Православную Церковь. Она—носительница наивысшаго разумѣнія Христовой истины, св. преданія первыхъ вѣковъ христіанства и всѣхъ безцѣнныхъ сокровищъ, переданныхъ ей лучшими ея сынами въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ временъ. Я такъ люблю св. церковь, что ежедневно готовъ умереть за этотъ святѣйшій и надежнѣшій корабль нашего спасенія.

Ни о чемъ иномъ я не хотѣлъ говорить и не говорилъ въ своей краткой замѣткѣ, какъ только о насущныхъ, неотложныхъ современныхъ нуждахъ церковныхъ, какъ живописуются онѣ многими. Чуждъ я всякой односторонности, врагъ—всякой партійности. Желая горячо лишь одного—блага Христова для всѣхъ людей и для церкви.

Теперь я могу спокойно углубляться въ свою совѣсть, спокойно смотрѣть на всѣхъ людей. Никто не можетъ больше обличать меня въ лицемеріи или скрытности... Могу я и спо-

койно взирать на тихій, кроткій ликъ Спасителя, слабо освѣщенный лампадой, ликъ, предъ которымъ обыкновенно изливаю и свои скорби, и свои радости. Въ молитвѣ своей теперь могу сказать или даже воскликнуть всѣмъ моимъ существомъ: Спаситель мой, теперь мнѣ не стыдно больше стоять предъ Тобой..

Я засвидѣтельствовалъ, исповѣдалъ свою вѣру и не торгую болѣе Твоимъ святѣйшимъ именемъ.

Епископъ Евдокимъ.

25 марта
1905 года.
